

Казалось, жизнь покинула Яхико, и он опустился на пол, как мокрая вермишель. "Никаких забот для меня..." - начал он комично рисовать круги на земле.

Тем временем Конан ощущала вокруг себя атмосферу превосходства, воздев руки кверху в знак триумфа над шутком.

Незаметно для себя, но впервые за долгое время она рассмеялась, и однообразные черты ее лица расплылись в мягкой улыбке. Заметив это, Яхико перестал шутить и захихикал, когда Нагато вдруг начал извиняться перед ним за то, что не оставил другу ни одного.

Атмосфера в зале необъяснимо изменилась с той мрачной.

Все присутствующие были сиротами, так или иначе потерявшими свои семьи, включая самого Ширу.

В глазах всех троих появилась новая жизнь, особенно когда они случайно бросали взгляд на него и окружающих.

Ширу быстро понял, что в глазах Конан и остальных он, возможно, занял роль Кирицугу. То, как блестели их глаза, говорило о многом, но больше всего о растущем чувстве удовлетворения и связи, присутствующем в каждом.

Тепло, таявшее в сердцах и умах, исходило не просто от огня, а от чего-то гораздо более ценного.

Это было ощущение принадлежности и заботы, которое Конан, Яхико и даже Нагато думали, что никогда больше не смогут почувствовать.

Краем глаза Ширу заметил новое уведомление. Больше, чем миссия, эти мелочи были важнее всего.

[Повышение благосклонности Конан. (Друг) (?)].

Конан покраснела, откусывая от оставшегося шампура с мясом.

[Яхико Повышение благосклонности. (Друг)].

Яхико сидел в тихом довольстве.

Нагато повышение благосклонности (друг)

Нагато улыбалась.

Они все сидели в кругу, наслаждаясь обществом друг друга под нескончаемый стук дождя.

Здесь, в этот момент, они были одной семьей, пусть и не кровной.

В затворнической усадьбе в деревне Скрытых листьев пожилая женщина, чьи некогда яркие рыжие волосы поблекли до белизны, вздыхала уже в который раз. На ней были белые халаты и традиционный головной убор, закрепляющий пучок волос.

Сейчас она просматривала последнюю информацию, полученную от Сакумо из клана Хатаке.

Когда ей доставили первый подробный эскиз нового барьера фуиндзюцу, появившегося в Стране Дождя, она несколько часов была потрясена знакомостью штрихов и сложностью печати. Как ни тяжело было это признавать, она чуть не расплакалась.

Барьер был настоящей печатью Узумаки, что ей не удалось скрыть от слишком восторженной рыжеволосой девушки, которая была практически на седьмом небе от счастья, когда увидела его. Она и сейчас не переставала спрашивать о новостях и даже нагло настаивала на том, чтобы совершить "путешествие" в Страну Дождя, и что ей было бы приятно, если бы кто-то охранял ее. Наглая девчонка не скрывала, что хотела бы, чтобы старуха помогла ей потянуть за ниточки, но отпускать ее саму, учитывая ее юный возраст и то, что она была только что после "переноса", старуха пока не хотела.

Однако старуха не могла этого понять.

Члены ее семьи, возможно, еще живы...

Старуху звали Мито Узумаки, она была женой Первого Хокаге и одной из двух последних известных Узумаки в Стране Элементалей.

Пока она размышляла над тем, как ей поступить, к Сакумо пришел последний посыльный в виде маленького щенка-носильщика, которого Мито угостила, прежде чем отправить в путь.

Щенок принес медальон, внутри которого находилась фотография.

По словам Сакумо, мальчик, у которого был потерян медальон, даже не знал о существовании медальона, пока он не активировался от смертельного удара.

Мито вздохнула. Она слишком хорошо понимала, почему были приняты такие меры. Картинка в медальоне была слишком уж убийственной, особенно если человек хотел сохранить тайные связи с одной из самых известных скрытых деревень на континенте, находясь в бегах, чтобы

начать новую жизнь.

"Эй, бабушка, что это?"

Голос внезапно прервал мысли Мито, и это был голос, который Мито меньше всего хотел бы услышать, учитывая характер фотографии, находящейся у нее в руках.

Ребенок, как ни дерзко он вел себя даже по отношению к женщине с авторитетом Мито, - родной родственник Мито - обхватил Мито руками, чтобы свеситься с нее и положить подбородок на одно из плеч Мито. По неосторожности ребенок оказался в прямой видимости от медальона в руках Мито и содержащейся в нем картины.

Мито почувствовал, как ребенок тут же поперхнулся, его конечности практически затекли, а в расширившихся глазах появились слезы.

Мито не могла удержаться, чтобы внутренне не посетовать на горечь.

Она старела. Хуже того, из-за истощения, вызванного "переносом", ее чувства были слишком притуплены, чтобы заметить приближение молодой родственницы, не говоря уже о том, чтобы отреагировать на него.

Внезапно в комнату начала просачиваться огненно-красная чакра от быстро задыхающейся девушки, эмоции которой вышли из-под контроля.

Мито не мог винить девушку - особенно когда на фотографии была она сама.

Это была выцветшая семейная фотография.

Отец и мать девочки, сама девочка и... мальчик.

"Где ты это взял?"

Мито не могла заставить себя ответить, не говоря уже о том, чтобы признать, что это было получено только потому, что мальчик чуть не умер.

"Бабушка Мито, почему ты мне не говоришь?!" В голосе ребенка слышался гнев, бушующая красная чакра вытягивала негатив.

Все только что стало намного сложнее, и Мито боялась, что ей больше не хватит сил дожить до конца.

"Не стоит давать волю эмоциям и позволять лису пробиваться сквозь твои суждения. Прости меня".

Без предупреждения Мито активировал печать фуиндзюцу, и вся чакра внезапно вытекла из ребенка, и она обессиленно обмякла в руках Мито.

"Отдохни, дитя. Это дело не маленькое".

<http://tl.rulate.ru/book/102719/3558828>